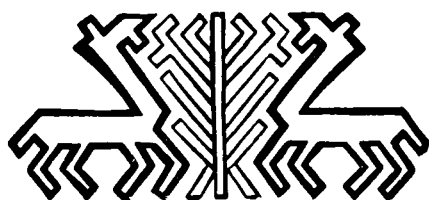

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

4

1 9 6 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

С. Н. ИОМУДСКИЙ¹

О ПЕРЕЖИТКАХ РОДОВОГО БЫТА У СКОТОВОДОВ ЗАПАДНОЙ ТУРКМЕНИИ В XIX в¹

Своеобразие форм феодализма у скотоводческих народов Средней Азии (пережитки родоплеменных взаимоотношений, роль кровнородственных связей и др.) — важный вопрос, требующий специального рассмотрения. Одна из главных задач в изучении истории туркменского народа состоит в том, чтобы найти причины специфики общественно-экономического развития у ряда скотоводческих туркменских племен, в частности у западных иомутов².

Сложность социально-экономического развития скотоводов Западной Туркмении второй половины XIX в. нашла в общем правильное отражение в учебнике «История Туркменской ССР»³, но типичные особенности общественного строя разных групп туркмен пока еще не исследованы.

Община у скотоводов сохранялась до периода коллективизации; ее сохранение обуславливалось низким уровнем развития производительных сил, неравномерным экономическим развитием отдельных групп туркмен, постоянными войнами, массовыми передвижениями племен и т. д.

Совершенно очевидно, что туркменская скотоводческая община давно перестала существовать как кровнородственное объединение, однако туркмены, уже много времени назад вступившие на путь феодального развития, сохраняли в своем быту некоторые черты первобытно-общинного строя, своеобразно сочетавшиеся с феодализмом; в советской исторической литературе такие общественные отношения называются патриархально-феодальными.

Общеизвестно, что отдельные племена туркмен находились на разных уровнях экономического развития, что до победы Великой Октябрьской социалистической революции туркмены так и не создали своей государственности, а их племена и роды были раздробленными и в различные периоды истории находились под воздействием соседних феодальных государств, а иногда входили ненадолго в состав того или иного государства — Ирана, Хорезма и др. Естественно, что туркмены в зависимости от политической ситуации вынуждены были менять освоенные

¹ Предлагаемая статья была передана в журнал «Советская этнография» незадолго до смерти автора (сотрудника этнографического отдела Музея краеведения АН Туркменской ССР), и замечания, которые были посланы после прочтения статьи (Г. П. Васильевой) уже не застали С. Н. Иомудского в живых. Этим объясняется фрагментарность и некоторая недоработанность ряда поднятых в статье вопросов. Редакция, считая, что проблема социальных отношений туркмен конца XIX — начала XX в., которой посвящена статья, представляет большой интерес, решила все же поместить ее в журнале с примечаниями Г. П. Васильевой. Примечания автора отмечаются особо.

² Среди некоторых групп туркменского народа, в частности у западных иомутов, о которых пишет С. Н. Иомудский, в конце XIX — начале XX в. скотоводство было ведущей, главной отраслью хозяйства.

³ «История Туркменской ССР», т. I, кн. 1 и 2; т. II, Ашхабад, 1957

ими поливные земли на пески пустыни Кара-Кум, где они занимались скотоводством, попав же в культурную полосу подножья гор Копет-Даг и речных долин, они вновь оседали на землю. Очень частые передвижения мешали туркменам нормально развивать свое хозяйство.

Однако скудные сведения путешественников-европейцев, посетивших Туркмению в XIX в., — А. Вамбери, совершившего поездку по кочевьям туркмен вдоль восточного побережья Каспийского моря в 1863 г.⁴, К. Бодэ⁵ и других позволяют утверждать, что во второй половине XIX в. распад родовых устоев у туркмен шел весьма интенсивно. Разделение общества на бедных и богатых было, в частности, отмечено Н. Н. Муравьевым (1819—1820), писавшим, что скотоводческая община имела частных собственников, владевших стадами овец до пяти-шести тысяч голов, большим количеством коней и верблюдов⁶.

Другие источники также отмечают, что в это время у туркмен наряду с бедняками, живущими в старых изодранных шатрах, были и богатые торговцы, снаряжавшие большие караваны в Хиву и Иран⁷.

Классовое расслоение туркменского аула во второй половине XIX в. стало настолько очевидным, что скрыть социальные противоречия в хозяйственной жизни было уже нельзя. Между тем, как и в земледельческих районах, верхушка родовой скотоводческой знати упорно старалась замаскировать беспощадную эксплуатацию бедноты так называемым обычаем «помощи близким».

У туркменских кочевников-скотоводов владение землей и водой составляло главное, решающее условие для ведения хозяйства.

Как известно, в Западной Туркмении нет рек и пресных озер, поэтому главными водными источниками служат колодцы и дождевые ямы на такырах. Некоторые колодцы, существовавшие издревле, были основаны, по-видимому, еще дотуркменским населением (например, колодец Туар). Сами скотоводы также рыли колодцы, но очень мало; обычно использовались старые, уже обрушившиеся, которые восстанавливались: если и были новые, то они устраивались в местах, давно известных. Как исключение можно указать на колодец Даш-кую в местности Бугдайли, принадлежавший частному лицу, за свой счет вырывшему этот колодец и укрепившему его камнем и жженным кирпичем. Впоследствии этот колодец был объявлен общественным. Все население района Бугдайли обязывалось ежегодно принимать участие в его очистке; капитальный ремонт производился ахуном на средства, поступавшие от зеката⁸.

Можно предполагать, что скотоводы силой добывали себе колодцы. По преданиям известно, что в борьбе за воду происходили настоящие войны между племенами и родами. Вода, завоеванная совместным усилием рода, становилась его собственностью, и все члены рода считались владельцами источников; внутри рода совет старейшин устанавливал, кто должен сидеть на данном колодце. При дележе колодцев учитывалось количество человеческих жертв, принесенных семьей в войне, численность хозяйства и старшинство в своей группе.

При таком распределении колодцев возникали разногласия, которые в большинстве случаев оканчивались миром, хотя бывали и конфликты,

⁴ А. Вамбери, Путешествие по Средней Азии из Тегерана через Туркменскую пустыню по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, предпринятое в 1863 г., М., 1867.

⁵ К. Бодэ, О туркменских поколениях ямудах и гокланах (писано в 1842 г.), «Записки Русского географического общества», II, СПб., 1847.

⁶ «Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 гг. гвардии генерального штаба капитана Н. Муравьева», М., 1822, ч. I.

⁷ П. М. Лессар, Мервские ханы, «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. VI, СПб., 1883.

⁸ Зекат — 1/10 часть дохода, ежегодно выделяемая каждым хозяйством по шарияту и обычаю туркмен духовному лицу (примечание автора).

доходившие до кровавых столкновений. В случае пролития крови оспариваемые земля и вода без всяких дальнейших процедур переходили во владение пострадавшей стороны. Такая земля считалась купленной ценою крови, переходила во владение потомства семьи⁹ и не подлежала никакому отчуждению.

Вместе с тем, имущественное неравенство скотоводов позволяло богатым хозяйствам пользоваться в хозяйственной жизни аула всевозможными привилегиями и, в частности, поить свой скот из общественных колодцев в первую очередь, получать при распределении среди одноаульцев лучшие пастбища, раньше других перебиваться на новые пастбища и т. д. Эти права узурпировались богатыми скотоводами, и маломощные хозяева вынуждены были соглашаться с решениями совета старейшин, соблюдавших интересы богатых хозяйств.

Богатые скотоводы использовали свое влияние и силу в вопросах первоочередности перебивок на новые пастбища, особенно при перебивках на дальние расстояния. Дело в том, что несмотря на постоянные перемещения в результате военных столкновений между отдельными родовыми подразделениями иомутов и борьбу Хорезма с Ираном, все земли, пригодные для земледелия и скотоводства, были издавна закреплены за тем или иным родом.

Очень немногие хозяйства располагали открытыми проходами для свободного прогона стад по земле другого рода, большинство же кочевников при следовании своего скота на сезонные пастбища (нередко на расстояние 150—200 км)¹⁰ пользовались услугами тех хозяйств чужого рода, которые в порядке взаимной помощи уступали свою очередь на водопой и, таким образом, создавали условия для нормального прогона скота.

Богатые скотоводы стремились опередить других кочевников до травы и без того скудного подножного корма, особенно в годы бескормицы, когда передвижения кочевников усиливались, и возникали конфликты, доходящие до настоящих столкновений, иногда длящихся годами.

Кочевья скотоводов Западной Туркмении в нормальный год делились на четыре района: на востоке — земли атабаевцев с многочисленными мелкими родовыми подразделениями, располагающиеся между рекой Атрек на юге и сухим руслом Узоя на севере по границе с хивинскими землями. Вторую, западную половину всей территории занимали джафарбайцы, расселившиеся параллельно атабаевцам с юга на север до границ с Казахстаном. Распределение земель внутри этих подразделений произошло в силу исторических условий, сложившихся так, что скотоводы, долго жившие к северу от линии железной дороги, освоили эту местность, а их стада акклиматизировались в ней¹¹; эту группу называли «северными скотоводами» — «гайранын чарвасы». Живущие к югу от них получили название «южных скотоводов» — «илерин чарвасы». Кроме того, было много названий, присвоенных скотоводам по месту их проживания. Например, кочевавших по Узюю называли «узтуркмен»; живущих в районе колодцев Бугдайли — «алак чарвасы» (скотоводы пестрых); эти названия связаны с характером местности, в которой пески чередуются с такырами и предгорной равниной.

⁹ Имеется в виду большая семья (см. ниже).

¹⁰ Богатые скотоводы кочевали со своими стадами в районе, южной границей которого были реки Гюрген и Атрек, а северной Б. Балханы. Подробнее об этом см.: Г. П. Васильева и А. Джикиев, Некоторые результаты изучения материальной культуры и быта населения юго-западной Туркмении, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», вып. XXXIV, 1960.

¹¹ Северо-восточная струя ветров, дающих по проходу Большие Балханы — западный Кюрен-даг большую часть года, создает особый климат на всей равнине к югу от железной дороги. См. В. Минервин и Н. Мордвинов, Схема реконструкции скотоводческих хозяйств, «Туркменоведение», 1931, № 3—4, стр. 12.

Каждый район характеризовался микроклиматом, видами пастбищ и водных источников. Скотоводы, жившие севернее железной дороги, как правило, передвигались только в радиусе своих водных источников¹².

Хозяйства скотоводов и земледельцев по существу нельзя рассматривать вне связи между ними. В большинстве случаев существовали хозяйства, часть членов которых была земледельцами, а часть — скотоводами.

Преобладание одного вида хозяйства над другим в различных районах было различным и зависело от природных и внешнеполитических условий; многие районы, где было развито поливное земледелие, достаточно быстро были освоены населением, которое до того «жило на спине верблюда» (т. е. кочевало), а это свидетельствовало об определенных навыках кочевого населения в земледельческом труде.

В районах, где ощущался недостаток воды, основным занятием было скотоводство¹³.

В конце XIX в. ядро иомутов-джафарбайцев отдела нурали составляли роды кор, кем, кельте, караинджик и караджа. В системе племени атабай-джафарбай наиболее важные общественные вопросы обсуждались на маслахате (народное собрание), в котором решающий голос принадлежал основным родам джафарбайцев, остальные же пользовались правом совещательного голоса. Общественное неравенство проявлялось весьма отчетливо в том, что отдельные знатные лица из других племен (они могли быть даже из огурджали¹⁴ или племени гокленов) имели право решающего голоса, если славились своим богатством и связями с сильными родами иомутов.

Все перечисленные роды иомутов, как оседлые — чомры, так и скотоводы-кочевники — чарва, занимали определенную территорию. На этой территории каждый род селился компактно, отдельными аулами. Так, вдоль реки Гюрген население располагалось следующим образом: самым восточным среди поселений джафарбайцев было большое становище Ильгельды-хан Каласы (крепость Ильгельды хана), построенное в середине XIX в., где жили иомуты рода кор (его также называли «Каладакы ова» или «Корлерин овасы» — аул корцев). Рядом с этим селением, ниже по течению реки был большой аул рода пан, далее следовали аулы Омчалы, Каргы и, наконец, аул Кумуш-тепе — центр джафарбайцев, где проживала значительная группа семейств Клычходжи и Курбана-ходжи из рода кор¹⁵.

¹² Установившийся порядок передвижения стад, пользование водой из колодцев и т. д. настолько прочно были усвоены скотоводами, что со временем как бы стали обычаями, и старики — жители скотоводческих районов до сих пор хорошо помнят их (*примечание автора*).

¹³ Описанный выше тип хозяйства, в котором скотоводство в той или иной степени сочетается с земледелием, издавна характерен для большинства туркмен, каракалпков, части узбеков и казахов. Этот комплексный тип хозяйства полукочевого населения Средней Азии и Казахстана Т. А. Жданко проследживает на археологическом материале с глубокой древности, что дало ей возможность и право выделить эту группу населения Средней Азии и Казахстана в самостоятельный этнографический компонент. См. Т. А. Жданко, Патриархально-феодальные отношения у полукочевого населения Средней Азии, I Всесоюзная конференция востоковедов (Тезисы докладов и сообщений), Ташкент, 1957; е е же, Проблема полукочевого населения в истории Средней Азии и Казахстана, «Сов. этнография», 1961, № 2; С. И. Руденко, К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках, «Материалы по этнографии», т. I, Географическое общество Союза ССР, М., 1961.

¹⁴ Огурджали — небольшое племя, живущее на побережье Каспийского моря, родственное иомутам и занимавшее среди них подчиненное положение.

¹⁵ Кладбища туркмен были устроены по тому же родовому принципу, что и поселения, только огромный халм Карасу, находящийся близ Кумуш-тепе, когда-то давно превращенный в место захоронения (что отчетливо видно по двухъярусным и даже трехъярусным могилам и склепам в обрывах после проливных дождей), почти совсем не имел границ между территориями отдельных родовых кладбищ (*примечание автора*).

Остальные роды, такие, как караджа, кельте и отдельные семейства из других родов, селились возле сильного рода кор. Только род кем, живущий обособленно, имел большие пастбища по древнему разрушенному земляному валу «Кызыл алан» в районе, который назывался «Алтын токмак»; этот род занимался (более чем другие соседи-иомуты) разведением овец и лошадей.

Вместе с тем район гургенских иомутов, в основном ведущих оседлый образ жизни, в отличие от других иомутских районов, характеризовался быстрым изменением традиционного характера поселений по родственному признаку.

Примитивное земледельческое хозяйство не удовлетворяло потребностей всего населения, и по этой причине начинается уход малоземельных крестьян на отхожие промыслы, главными из которых были рыбные промыслы на побережье Каспийского моря.

Развивающаяся торговля с внешним миром, развитие морского транспорта — все это способствовало уходу из аула членов рода и переселению их на место новой работы. Малоземелье заставляло и многих зажиточных туркмен также уходить из аула. Становясь самостоятельными хозяевами морских лодок или торговых заведений, ремесленниками и т. д., люди постепенно теряли связь с членами своего рода, переставали нуждаться в поддержке своей общины и, таким образом, оторвавшись от своих, объединялись с семьями из других родов на основе новых экономических интересов и образовывали в больших населенных пунктах Кумуш-тепе, Кумбети-Кабус и др. кварталы, называющиеся по традиционному родовому принципу по имени родовой принадлежности большинства его жителей — омчалы, корлер и т. д.

По реке Атрек, где тоже было оседлое население, занимавшееся также скотоводством, группы родственников жили более замкнуто, нежели на Гюргене (роды кельте, кем из отделения джафарбай, а также атабаевцы), и в некоторых случаях многие родовые подразделения по несколько лет не встречались со своими сородичами.

Основным занятием населения прибрежных степей, живущих к северу от рек Атрек и Гюрген, было скотоводство; беднейшая часть скотоводов в поисках дополнительного заработка уходила в рыболовецкие аулы Гасан-кули, Чикишляр, на территорию родов ших и махтум в западной части Краснодарского района и доходила до форта Александровска на Мангышлаке.

Жители приатрекских аулов, занимавшиеся земледелием, ежегодно в путину также целыми артелями шли на лов рыбы к морю, по выражению бедноты — «обновить белье». Так как морской промысел занимал рабочих только в определенное время осени и зимы, то рыбаки возвращались к своим семьям, сидевшим на маленьких участках богарной земли. Обычно бедное хозяйство в лучшем случае заседало немного ячменя и бахчевых, урожай которых позволял крестьянину сводить концы с концами.

С появлением новых источников заработка уход бедноты на сторону ослаблял родственные связи, так как вдали от основного ядра, вне родовой общины появлялось новое самостоятельное хозяйство. Браки, заключаемые с жителями прибрежных аулов, также способствовали отделению бывших скотоводов от своих родичей, но выселившиеся еще долгое время считали себя членами рода, среди которого когда-то жили. Бывали даже случаи, когда отделившаяся семья, разорившись, возвращалась назад к своим родственникам и получала помощь.

Аналогично скотоводам Западной Туркмении происходило нарушение родowego расселения при распределении земель среди теке в Мервском оазисе (1861 г.) — районе древней земледельческой культуры. Текинцы, изгнав из оазиса сарыков, захватили действовавшую ирригационную сеть и распределили ее между собой, используя право завое-

вателей. Другие племена, жившие здесь, и даже ахальские текинцы, пришедшие в оазис позднее, вынуждены были либо арендовать землю у завоевателей, либо уходить из оазиса.

При распределении земель оазиса каждому крупному текинскому роду была отведена отдельная водная магистраль, которая закреплялась за ним¹⁶.

Каждый род производил распределение воды и земли по своему усмотрению, земля внутри рода не закреплялась отдельно за каждым земледельцем; в целях уравнивания условий землепользования систематически производились переделы земель внутри родовых групп. Более поздние пришельцы землей не наделялись. Все последующие переселенцы из Ахала из подразделений векиль, тильки, караджа, буркоз и др. старались селиться около своих сородичей, но оказывались на положении «конши» (соседи), вынужденных арендовать землю у своих сородичей-текинцев, ранее их поселившихся в оазисе. «Конши», кроме того, обязывались за свой счет вести все сельскохозяйственные повинности: очистку канав, ремонт плотин и др.

Зависимость от «бояр»¹⁷ и многие повинности ложились тяжелым бременем на рядовых членов рода, которые находились под двойным гнетом — «бояр» и своих старшин. Имущественное неравенство, жестокая эксплуатация бедняков — основной массы аула — создавали антагонистические отношения между членами рода. Состояние вечного недовольства — пока еще неосознанной классовой борьбы бедняков против своих богатых сородичей — временно затихало в случае угрозы непосредственной опасности (например, при борьбе за водные источники): аулы, расположенные на одном канале, даже если они и принадлежали к разным родовым подразделениям, объединялись для отражения врага.

Таким образом очевидно, что основным фактором, связывавшим группы семейств, было не какое-то пресловутое кровное родство, а система владения землей и водой, необходимость их защиты в случаях угрозы нападения извне. Общества оседлых туркмен, сохранявшие «родовую» оболочку, были пестрыми по своему составу и неравными по социальному положению своих членов.

Состоял ли туркменский род в XIX в. из близких по крови семейств? На этот вопрос следует ответить отрицательно. Какой процент составляла прямая мужская линия установить также трудно. Дело в том, что у туркмен род был патриархальным и родство считалось лишь по мужской линии, генеалогически; «дан» и «еген»¹⁸ за кровных родственников не признавались. Нередки были случаи, когда члены того или иного тире (родового подразделения), вступая в брачный союз вне своего рода, включали род жены в свой, но при условии, чтобы род жены численностью душ и силой хозяйства стоял ниже рода мужа.

Можно назвать случаи усыновления чужеродцев и даже людей другой национальности. Например, среди иомутов были случаи усыновления гокленов, татар и даже русских. Так, некий Влас — дезертир русской армии — впоследствии молла Бегче, был усыновлен иомутами рода хырыдарлы кор до начала похода на Ахалтеке в 1879 г. Потомки Власа ныне проживают в районе Кумбети Кабуса под покровительством

¹⁶ Об этом см. Я. Р. Винников, Социалистическое переустройство хозяйства и быта дайхан Марыйской области Туркменской ССР, «Среднеазиатский этнографический сборник», I, Труды Института этнографии АН СССР, нов. серия, т. XXI, М., 1954, стр. 6—8.

¹⁷ Первые туркмены, появившиеся в оазисе, захватившие землю и воду, именовались «бояр» (господа). Они сами землю не обрабатывали, а сдавали ее в аренду.

¹⁸ Дядя и племянник по материнской линии.

потомков рода эсенгулы кор¹⁹. Другой русский солдат был усыновлен родом йылгай в первую империалистическую войну. Он сохранил свое имя и был известен среди населения как Алексей-тебиб. В каждом большом родовом объединении туркмен имелось много отдельных групп в 5—10 хозяйств, не связанных с ним кровным родством или даже генеалогически. Отделившись от своего первоначального рода и сохранив только его название, а иногда приняв имя нового рода, эти небольшие группы оказывались в зависимом положении от старшин того рода, среди которого они жили, так как они, за небольшим исключением, не имели своих пастбищ и воды. Бывали другие случаи, когда пришельцы, прожив в течение нескольких поколений в составе чужого рода, впоследствии отделялись от него и приобретали самостоятельность.

Так, род чуккан включил в себя отдельные семейства из рода пан; пришельцы со временем численно возросли, экономически окрепли и уже во втором или третьем поколении начали выступать как самостоятельная родовая группа. Они восстановили генеалогическое родство с одноименным родом, жившим на Гюргене, а с родом чуккан связь постепенно утеряли, хотя в свое время и породнились с ним путем браков и приняли имя этого сильного рода.

Рассмотрим структуру рода на примере джафарбайского рода кор. На территории Туркменской ССР род кор размещался среди других родов вдоль берега Каспийского моря в ауле Гасан-Кули, на острове Челекен²⁰ и полуострове Дарджа. Скотоводы из этого рода населяли все степное пространство на восток от моря (от р. Атрек на север до гор Большие Балханы и далее к горному кряжу Эрсары-баба).

Подобно всем родам племени иомутов этот большой род делился на несколько более мелких родов (тире) — эсенгулы кор, койынлы кор, хырыдарлы кор, карадолак кор, кытлы кор²¹. Так же как и другие роды (что видно из приведенного выше), кор не был однороден по своему составу. Можно добавить, что в конце XIX в. к нему примкнула часть рода тумач, перекочевавшая на склоны Геркез-Дага в Джебельском районе. Одна из ветвей рода кор — аннамыратлы, входившая в подразделение эсенгулы кор, поселилась на колодцах Маммет-таган Джебельского района. Эта группа состояла из четырех больших семей: Доулы, Полат, Тайча, Аннамырат. Перечисленные семьи вследствие своей многочисленности выделились из одного аула и расселились на территории всего рода, образовав несколько аулов, главными из которых были Маммет-Таган, Молла-Карры, Ат-Чешме, Казак-Куюсы. Все выделившиеся хозяйства были самостоятельны экономически. Позднее с увеличением численности скота часть больших семей рода аннамыратлы откочевала к горам Большие Балханы и далее на север. Здесь произошло разделение хозяйств по видам скота.

Условия по уходу за животными, затрата человеческого труда и времени были неодинаковы. По сложности ухода и трудности работ на первом месте стоит мелкий рогатый скот, во все времена года требующий присутствия человека, ухода и труда для обработки продуктов овцеводства. Остальные хозяйства — верблюдоводческие и коневодческие — имели избыток рабочих рук; члены семьи не находили себе занятий в ауле и уходили на заработки на сторону.

Из сказанного ясно, что у западных иомутов в XIX в. существовала сильная классовая дифференциация; род, сохраняясь как форма организации общества, уже не был объединением кровных родственников и их прямых потомков, что характерно для первобытно-общинного строя.

¹⁹ Покровительство в современных условиях на Гюргене ограничивается только заботой о больных и посещением близких в праздничные дни и дни семейных торжеств (примечание автора).

²⁰ До 1930-х годов Челекен был островом.

²¹ Эти более мелкие роды носят имя своего родоначальника, одного из членов рода кор (примечание автора).

Вместе с тем скотоводы сохраняли ряд пережитков этого строя или периода, переходного к классовому обществу, и среди них такие, как большая семья, формы коллективного владения колодцами и т. д., наконец, организация военных союзов отдельных самостоятельных родов в случае военной опасности. Такие военные союзы у туркмен-иомутов назывались ак-ойли («владеющий белой юртой»²²). По рассказам стариков-иомутов, скотоводческие племена туркмен еще задолго до появления русских на восточных берегах Каспийского моря периодически собирали ак-ойли, чтобы защитить свои семьи от частых набегов соседних туркменских племен, войск хивинского хана и иранских феодалов.

Ак-ойли являлась своеобразной военной организацией, которая формировалась из всадников, взятых по одному от десяти кибиток из каждого туркменского рода²³. Собранное войско подразделялось на отделы, соответствующие родовым группам: караинджик, кельте, кор и др. Каждый из них имел своего начальника. Во главе ак-ойли стоял выбранный народом «бек», наделенный во время войны большой властью, вместе с тем он был обязан отчитываться за свои действия перед маслахатом и всадниками; ближайшими помощниками бека были командиры сотен. Хозяйство или семейства, выставившие вместе одного всадника, должны были содержать его самого и коня, обеспечить всадника оружием и боеприпасами, помогать его семье во время перекочевков (обыкновенно всадники вербовались из женатых, но бывали и исключения). Все незаконченные сельскохозяйственные дела всадника выполнялись обществом.

По приговору народа дополнительно в ак-ойли приглашались особенно нужные люди — храбрые, хорошие организаторы и авторитетные в военном искусстве; были случаи, когда приглашенные отказывались участвовать в ак-ойли, тогда по приказу бека всадники из рода приглашенного насильно заставляли его перекочевывать.

По назначению бека в определенный день все всадники собирались в указанном месте и ставили свои юрты, соблюдая такой же порядок, как и в ауле. Каждый род ставил свои юрты вместе, между юртами отдельных родов оставался небольшой интервал. Юрта бека помещалась между людьми его рода. Отличительным знаком юрты бека был белый флажок, помещенный на высоком шесте возле кибитки. Юрты рядовых всадников ничем не украшались, а командиры сотен вывешивали возле кибитки цветной флажок.

Ак-ойли мог быть расформирован только по решению маслахата после окончания военных действий²⁴.

²² Название «ак-ойли» — «белая юрта», видимо, происходит от белых домотканых лент, когда-то украшавших среднюю часть юрты. Этот цвет был эмблемой мира и спокойствия. Все юрты были украшены белыми полосами — отсюда и их название «ак-ойли».

²³ К. Бодэ в середине прошлого столетия описывает подобные сборища («агавли») у голенов; последние собирали воинов по одному от пяти хозяйств для «охранения границ своих владений от заклятых врагов своих, ямудов». К. Бодэ, *Очерки Туркменской земли и юго-восточного побережья Каспийского моря*, СПб., 1856, стр. 63, 111.

²⁴ Первым из исследователей интересовался институтом ак-ойли у туркмен С. П. Толстов, который в статье «К истории древнетюркской социальной терминологии» (ВДИ, № 1/2, 1938) дает детальный анализ этого интересного пережитка первобытнообщинного строя. По данным, имевшимся у С. П. Толстова, термин «ак-ойли» у туркмен в XIX в. назывались отряды молодых неженатых (—Г. В.) воинов, охранявших в периоды военной опасности границы племенной территории. Из описания института ак-ойли С. Н. Иомудским видно, что к 20-м годам нашего века у западных иомутов этот институт претерпел некоторые изменения: основное ядро ак-ойли вербовалось из молодых, но не женатых (—Г. В.) воинов, оставлявших на время сбора своей семьи в аулах, где их обязаны были опекать сородичи. Однако это обстоятельство не противоречит выводам С. П. Толстова о характере этого института и его связи с возрастными классами первобытнообщинного строя, а лишь показывает плавные изменения института ак-ойли в последние века. Ю. Э. Брегель, обративший внимание на употребление термина «ак-ойли» в документах архива хивинских ханов, приходит к выводу о том,

Из опроса стариков-текинцев Мары, Теджена и Ахала автору не удалось выяснить, были ли у них когда-либо общественные организации с подобным названием и назначением²⁵; у западных же туркмен-иомутов, по показаниям стариков, ак-ойли, как уже упоминалось выше, существовало издавна и имело место даже в 20-х годах нашего столетия²⁶. Так, во время длительной вражды между родами атабай, джафарбай и игдыр в 1918—1919 гг. роды кор, карайнджик и кельте, жившие в долине р. Гюрген, были инициаторами сбора ак-ойли. Участником одного из таких сборов был сам автор данной статьи.

В годы первой мировой войны туркменское население западных районов от р. Гюрген до южных пределов Хивинского ханства было обеспокоено внешнеполитическими событиями в России, на Кавказе и Иране, отражавшимися на их внутренней жизни. Кроме того, длительная вражда между наиболее крупными родами иомутов — атабай, джафарбай и игдыр приводила к частым военным столкновениям: угону скота, ограблению караванов и т. д. Все эти события заставили старшин собрать маслахат в центре джафарбайцев — Кумуш-Тепе и объявить сбор ак-ойли. В эти годы военное объединение возглавляла наиболее сильная в этом районе родовая группа — кор, которой подчинялись все остальные. Если ак-ойли сохранялось длительное время и по своей значимости было серьезным, то в общении с другими племенами оно называлось по имени сильного рода, объединившего все остальные роды. Например, при Гок-дере в 1919 г. иомуты и часть текинцев объединились в ак-ойли против казахов. Это ак-ойли имело два названия: «северные» и «бахелькинцы» по имени рода бахельке, возглавившего союз. Бахельке — род иомутов, проживавших в Хивинском ханстве, считался воинственным и хорошо организованным, поэтому вся северная группа туркмен встала под начало бахелькинцев, несмотря на то, что последние были довольно малочисленны.

Южную группу скотоводов в период до 1919 г., как уже говорилось, объединял род кор. В это объединение входили все роды джафарбайцев, живших обособленно — роды пан, торрук, кем, караджа, бага, татар и другие. Причина того, что род кор сделался центром, вокруг которого собирались все остальные джафарбайские роды юго-западной Туркмении и к мнению которого они прислушивались, заключалась в том, что он издавна жил вблизи важных экономических центров и был богаче всех остальных родов. Внутренняя торговля, разработка нефти, соли и т. д. находились в руках старейшин этого рода, а торговля сельскохозяйственными продуктами с соседними странами (Кавказ, Иран) была монополией значительной уже во второй половине XIX в. группы торговцев, вышедших из рода кор.

что, вопреки мнению С. П. Толстова, у хорезмских туркмен этот институт означал заложников из различных туркменских племен. Заложники селились со своими семьями на выделенных ханским правительством участках земли «вдали от основной территории своего племени или рода и несли службу в хивинском войске» (см. Ю. Э. Брегель, *Хорезмские туркмены в XIX в.*, М., 1961, стр. 360—361). По нашему мнению, ак-ойли хорезмских туркмен нельзя рассматривать как простых заложников, что делает Ю. Э. Брегель. Использование хивинским правительством ак-ойли в качестве заложников — позднейшая трансформация этого древнего института, сохранившего и здесь одну из своих прямых функций — передового сторожевого отряда на границе занимаемой территории.

²⁵ Из хроник хивинских историков Муниса и Агехи «Фирдаус-уль-икбаль» («Материалы по истории туркмен и Туркмении», II, стр. 388—389, 398 и др.) видно, что институт ак-ойли существовал также у текинцев, чоудоров и других туркменских племен. К. Бодэ рассказывает об ак-ойли у гокланов. См. его «Очерки Туркменской земли и юго-восточного побережья Каспийского моря», стр. 63.

²⁶ Естественно, что по мере развития классового расслоения институт ак-ойли утрачивал свой чисто «доклассовый характер». Беки назначались не из наиболее храбрых и умелых в бою воинов; для того чтобы стать беком, нужно было еще обладать и богатством и знатностью рода; маслахат (народное собрание всех свободных) заменяется советом старейшин и т. д.

* * *

Во второй половине XIX в. большие семьи, как правило, сохранялись среди зажиточных.

В большой семье сохранялось общее хозяйство с одним «большим котлом». Главным распорядителем хозяйства и руководителем внутренней жизни был глава семьи — мужчина, основные средства большой семьи находились в руках старшей семьи. При выделении хозяйств женатых сыновей из большой зажиточной семьи коллективное владение скотом все же продолжалось, и в этом следует усмотреть стремление укрепить и увеличить силу рода. Единство больших семей выражалось в том, что каждая малая семья наряду с другими близкородственными семьями пользовалась необходимым ей скотом и брала его для выплаты калыма и других общесемейных мероприятий. Сообща женить своего близкого у туркмен по традициям партитархально-родового строя до последнего времени считалось «согап» — богоугодным, хорошим делом. Все родные были заинтересованы в прибавлении членов семьи и продолжении рода и в фонд калыма вносили все сколько, сколько могли. В серьезных делах, таких, как перекочевка, устройство колодцев, стрижка овец и т. п., принимали участие все взрослые, но решающее слово оставалось за старшим из старшей семьи. Старший прислушивался к мнениям младших, но, имея свои веские доводы, в конце концов заявлял свою точку зрения, которая и проводилась в жизнь. «Общий котел» заключался в том, что забота о снабжении продуктами и другими необходимыми предметами производилась из общего фонда большой семьи²⁷.

Примерное соотношение видов животных в хозяйстве западных номутов таково (основой хозяйства обычно являлись овцы и верблюды): если за основу взять 100 овец, то коз будет 30—40 голов, верблюдов 5—7, лошадей 2—3 (не считая производителя, имевшегося только у богатых скотоводов). Богатые семьи, кроме общего хозяйства, доход от которого шел в пользу всей семьи, создавали личное хозяйство сына «урбалык» (основа для организации нового хозяйства). Через несколько лет при умелом ведении дела постепенно собираемое имущество достигало солидных размеров. Наступало время, когда родители собирались женить сына и этим увеличить мощь своей семьи, получить привилегию по численности среди других равноправных членов общины.

Выделение сына из отцовского хозяйства было закономерно для части небогатых скотоводов, которые не могли кочевать, так как не имели верблюдов для перевозки своего незатейливого скарба на новое становище. Для этой части населения характерны большие аулы на зимних стоянках, состоящие из множества отдельных семей различных родов. Такие хозяйства особенно часто встречались в районе Джебела, Казанджика и в прибрежных аулах.

Типичным примером большой семьи можно считать существовавшую еще в 20-х годах XX в. большую семью Джемербая из рода атабай, проживавшую в Красноводском уезде Закаспийской области (ныне Казанджикский район ТССР).

Джемербай был владельцем сравнительно небольшого хозяйства, главными видами скота в котором были овцы и верблюды. Он имел пять жен, от каждой из жен были сыновья и несколько дочерей. Каждый его сын также имел свою семью. Численность этой большой семьи в 1920-е годы по списку продовольственного комитета района достигала 125 чел. Имея взрослых сыновей, Джемербай фактически отстранился от непосредственного участия в хозяйственных делах, все заботы по уходу за скотом лежали на взрослых сыновьях и старших женщинах

²⁷ Такое полное описание большесемейного коллектива у скотоводов, насколько нам известно, дается впервые

семьи, которые кочевали со скотом и реализовывали продукты хозяйства. Сам Джемербай как глава семьи занимался только общим руководством в хозяйственных и семейных делах (выдача дочерей замуж, женитьба сыновей и внуков). Он не жил на одном месте со своей семьей, так как занимался воспитанием породистых лошадей, тренируя их к скачкам. По роду своих занятий он был вынужден часто менять пастбища, а для удобства личной жизни в нескольких кочевьях, обыкновенно на колодцах, Джемербай ставил юрту одной из своих жен с одним или двумя верблюдами для хозяйственных нужд и парой коз для молока.

Часто меняя свои стоянки с 10—15 лошадьми, Джемербай тем не менее не отделялся от жизни своего аула и был в курсе всех дел и событий.

По словам стариков, Джемербай не выделял женатых сыновей. Каждый из них имел личное жилище, но весь доход от скотоводческого хозяйства поступал в общее пользование и распоряжались им, конечно, сам Джемербай и его старшая жена. Как и все зажиточные скотоводы, эта семья ежегодно снаряжала караван в Хиву или на Гюрген. На продажу везли масло, кожу, шерсть, домашние ткани из верблюжьей шерсти, в обмен получали пшеницу, рис, приобретались также другие вещи.

Все привезенное распределялось поровну между членами большой семьи.

В 1915 г. произошел раздел другой большой семьи, во главе которой стоял богатый скотовод из рода атабай Хаджа Парси. Мамен-Софи, сын Хаджа-Парси, рассказывал, что раздел всего хозяйства произошел из-за того, что женатые сыновья Хаджа-Парси, сами имевшие уже женатых сыновей, не могли прекратить раздоров между женами внуков Хаджа-Парси²⁸, сопровождавшихся убийствами и кровной мстью за убитых²⁹.

Все изложенное свидетельствует, таким образом, о том, что родовая организация у туркмен была лишь внешней формой организации общества и как пережиток патриархально-родового строя существовала пока экономическая база не была подготовлена к созданию новых отношений, а практически до победы советской власти на местах.

SUMMARY

The present article treats of the survivals of the tribal way of life among the cattle raisers of Western Turkmenia. The author notes the original forms of feudalism among these peoples and analyses the causes of the specific character of their socio-economic development. The disintegration of the clan structure in the second part of the 19th century among the Turkmenians was quite intensive; the Turkmenian commune of cattle raisers had long ceased to exist as a consanguineous unit. Yet in their way of life the Turkmenians retained certain traits of the primitive-communal system, which were combined in a peculiar way with feudalism.

In the second part of the 19th century the class stratification in the Turkmenian aul was clearly manifested. The consanguinity ties within the commune were loosened by the departure of the poorer members. Analysing the structure of the clan on the basis of the Dzharfarbai Kor clan, and also the structure of the large family, the author arrives at the conclusion that the clan, while continuing as a form of social organization, no longer was a community of blood relatives. As a carry-over of the patriarchal-clan system, the clan continued to exist up to the time of the emergence of the socio-economic basis for new relationships—in actual fact, until the establishment of the Soviet system throughout the area.

²⁸ Конечно, не ссоры были первопричиной раздела больших семей. Ссоры сами по себе являлись результатом неравномерного раздела доходов среди входивших в большую семью отдельных семей.

²⁹ После раздела семьи перестала существовать хаджи-парсинская порода лошадей, выведенная когда-то этой большой семьей (примечание автора).